

Лариса Миллер:

Чувства. — 1997. — 19 дек. — с. 6

PHILIP
MORRIS
в ПОДДЕРЖКУ
КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВА

Можно устать от счастья.

И даже от счастья умереть

Житейские бури не миновали Ларису Миллер, поэтому ее голос утешителя так ценен в современной поэзии. Новая, седьмая, книга Л. Миллер «Заметки, записи, штрихи», вышедшая в издательстве «Глас», собрана из новых стихов и впечатлений. Особое место в ее творчестве занимают эссе о классиках — В. Ходасевиче, Г. Иванове и недавно ушедших поэтах — Б. Чичибабине, Ю. Карачиевском.

— Вас, Лариса, называют любимой ученицей Арсения Тарковского. Но обучить можно правилом стихосложения, а не поэзии...

— Кто-то сказал, что его воспитывал не отец, который был всегда занят, а полоска света, пробивавшаяся поздней ночью из-под двери отцовского кабинета. Я познакомилась с Тарковским в 1966 году, когда при Союзе писателей открылась студия молодых литераторов. На первом же заседании он сказал: «Научить писать стихи нельзя. Во всяком случае, я не знаю, как это делается. Но ничего плохого нет в том, что молодые люди будут приходить сюда». Он был вне суеты, не делал карьеры, сохранял насмешливое отношение к официозу и премиям в искусстве. В общем, жил своей частной жизнью, что отвечало моим представлениям о поэте.

Тарковский вернул нам истинный масштаб русской литературы, свел воедино стихи Пушкина, Цветаевой, Ходасевича и, конечно, Ахматовой, которую почти всегда читал со слезами на глазах. После ее смерти он признался: «Теперь стихи почитать некому». Так он ценил отношения на равных, откровенность в дружбе. Между прочим, ему не нравились воспоминания Анны Андреевны о Модильяни, они даже поссорились на этом деле. Но через неделю Ахматова позвонила. «Знаете, нас так мало осталось, — сказала она, — мы должны друг друга любить и хвалить».

— О том, как А. Тарковский любил стихи чужих поэтов, умел

радоваться таланту, что сегодня большая редкость, ходят легенды. Но ведь и вы, обратившись к жанру эссе, по сути, продолжили дело Арсения Александровича. Теперь вас называют пропагандистом хороших поэтов.

— Наверное, слово «пропагандист» не совсем точное. Никакой специальной просветительской задачи я перед собой не ставлю. Мне интересно погружаться в мир личности, которая мне дорога. Меня потрясла проза Набокова — «Дар», «Другие берега», «Весна в Фиальте». Я с такой же страстью принялась читать его стихи — и была разочарована шаблоном.

— Почему вы часто цитируете Ходасевича, замечательного поэта, известного своим неуживчивым характером, из-за чего у него были тяжелые отношения с некоторыми современниками?

— Сейчас я бы не стала читать гармоничных поэтов. Тех, кто преодолел боль до того, как взялся за перо. Мне куда важнее видеть, как у поэта от боли разрывается сердце, как он ее преодолевает и выживает. Я ведь, в сущности, уже жизнь прожила, и как справляться с ней, до сих пор не знаю. А Нина Берберова, жена Владислава Ходасевича, знала, как надо выжить. Она знала, что не следует цепляться за прошлое, не следует бояться мира, будущего, неизвестности, нищеты, и вообще бояться. Она знала, что надо крепко стоять на ногах. Она во всем права — эта железобонная, как она сама себя называла, женщина. Но мне интереснее он, ее бывший спутник, по-

эт Владислав Ходасевич — неустроенный, болезненный, хандрящий, неумеющий жить, но умеющий «стихами с собой говорить в забыты».

— Поэт рожден без шор, его незащищенность обеспечивает остроту восприятия. Это дар и несчастье одновременно, говорите вы. Получается, что так Бог рассудил — поэт все на себя принимает?

— Я часто думаю, что художник, доживший до преклонного возраста, — это чудо. Исчерпанность, опустошенность — оборотная сторона витальности, результат интенсивности переживаний, следствие избыточного чувства жизни. Опустошенность необязательно возникает от избытка стрессов. Можно умереть или, во всяком случае, устать от счастья. В чем однажды признался Б. Чичибабин Л. Либединской. Человеку обыкновенному отсутствие у поэта брони и того, что называется здравым смыслом, кажется по меньшей мере странным. Не случайно Ходасевич в статье «О Сирине», назвал истинного художника «выродком, существом, самой природой выделенным из среды нормальных людей».

— Поэты серебряного века были люди образованные. Сама Ахматова говорила, что русский поэт обязан знать пять языков — латынь, греческий, французский, немецкий, английский. А вот в советскую пору литераторов нередко упрекали в излишней книжности. Например, А. Кушнера, которому вы тоже посвятили эссе.

— Здесь важно, что для человека первично. Если первична жизнь, то он всегда будет «отзываться на призывы бытия». И никакое образование не сможет превратить его в скучного книжного червя. Кроме того, у каждого есть свой лоток. Сколько я ни занималась ликбезом, так и не сумела усвоить всего, что хотела. Моя память — решето: веч-

но забываю имена, даты, строчки. Почти не помню наизусть стихов — ни чужих, ни своих. А с другой стороны, может, меня господь спасает. Если бы я постоянно держала в голове чужие стихи, не написала бы свои.

— Это правда, что с именем вашего отца связана история, о которой собирался написать Г. Владимов?

— Это была громкая история. О ней знали все папины сокурсники — Данин, Матусовский, Алигер. По словам Юры Карачиевского, дружившего одно время с Владимовым, Георгий Николаевич собирался использовать этот эпизод. Вкратце дело обстояло так. Из-за сильной близорукости отца на фронт не брали, но ему все-таки удалось в обход всяких комиссий попасть в армейскую газету. Однажды, узнав, что с фронта в Москву идет машина, отец и его приятель решили съездить домой. В тот момент их отсутствие могло пройти незамеченным, поскольку в типографию попала бомба, газета не выходила. В Москве отец не сразу разыскал маму — она куда-то уехала по заданию редакции журнала «Красноармеец», и они зашли в Дом писателей пообедать. Там их увидел армейский политрук. Вернувшись в армию раньше, начальник сообщил куда надо об их самовольной отлучке и потребовал трибунала. Отца и его друга судили за «дезертирство» и приговорили к расстрелу. Но после апелляции, направленной М. Калинину (в камере смертников они 90 дней ждали своей участи), расстрел заменили штрафбатом. В первом же бою папа погиб.

— Но сейчас идет другая драма, — сказал Б. Пастернак, имея в виду сталинский молох. Какую драму переживает наше время?

— Если судить поверхностно, то можно повторить вслед за многими — уходит культура. В последние годы мы потеряли больших акте-



ров — Смоктуновского, Леонова. Недавно ушла Мария Миронова. И в прощальном слове кто-то вспомнил старую интермедию, где Миронова играла роль никому не известной и жаждущей успеха маленькой актрисы. Тыча пальцем в то место на афише, где после всех имен стоит «др.», она говорила своему мужу: «Видишь, здесь и моя фамилия». Личности ушли — остались и «др.».

Мне тоже иногда так кажется, но я борюсь с этим чувством, потому что понимаю его несправедливость. Не было такого времени в России, которое не подарило бы ярких личностей. И сейчас они есть. Если мы их не видим или не хотим видеть, это наши проблемы. Если их слишком мало, то это тоже наши проблемы.

— В эссе «Зеркало для героя» вы укоряете М. Кралина, автора книги «Артур и Анна», посвященной непростым отношениям Анны Ахматовой и композитора

А. Лурье, за отсутствие вертикали. Разве автор не имеет права на собственное мнение?

— Для того чтобы получилась книга о большом поэте, нужно, чтоб сам автор был масштабно мыслящим, если угодно, конгениальным человеком. Михаил Кралин хорошо знал Анну Андреевну и, конечно же, любил ее стихи. Но поествование его — трехмерно. Поэт не может существовать в трехмерном пространстве и, когда его пытаются туда втиснуть, над ним совершают насилие.

Лидия Корнеевна Чуковская не могла не видеть, что Ахматова — старая, седая, полная, больная, одышливая женщина, что на ней рваный халат. Но Чуковская замечала и другое. Она видела, как эта женщина, прикрыв глаза, что-то бормочет, бормочет, бормочет, и это, как стихия... Человеку культуры надо помнить, что рождает такая стихия.

Наталья СЕЛИВАНОВА.